

ПОРТАТИВНЫЕ КРЕМНЕВЫЕ “КЛАДЫ-ПРИНОШЕНИЯ” КАМЕННОГО ВЕКА И ЭНЕОЛИТА. АСПЕКТ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

Реферат: На территории Юго-Восточной Украины известны клады кремневых изделий эпохи каменного века – палеометалла. Региональная традиция накопления кладов стартует в конце позднего палеолита. Среди них выделяются крупные клады и небольшая серия портативных кладов. Портативные клады содержат различный инвентарь – заготовки нуклеусов, топоров и наконечников, пластины. В статье обсуждается методика дифференциации портативных кладов кремневой продукции в связи с мотивами накопления и мотивами сокрытия. Предполагается, что большинство так называемых портативных кладов кремневой продукции являются вотивными и отражают феномен индивидуальности.

Ключевые слова: клады кремневых изделий, портативные клады, каменный век, эпоха палеометалла.

Введение. Так называемые “клады” кремневых изделий каменного века, энеолита и бронзового века образуют особую категорию археологического источника, как и клады материальных ценностей вообще. Клады – особый тип археологического источника. Специфика этой типа памятников объясняется, прежде всего, условиями преднамеренного отбора и депонирования предметов в древности. Термин “клад” является условным, хотя он прочно прописан в археологической лексике, включая археологические словари [Гаврилюк 2002, с. 250; Брей, Трамп 1990; и др.]. Самое верное содержание термина – “клад” от слова “класть”, но в древности вещи клали и в погребения, которыекладами не являются. Синонимичными представляются термины “кладки”, “складки” и т.д. В английском языке находим “hoard”, “treasure” и др.

Мотивы сокрытия кладов в первобытное время были чрезвычайно разнообразными. Соответственно, разнообразны и археологические контексты этого класса инвентаря. В плане мотивов сокрытия кладов обсуждаются два основных полярных варианта: 1) клады, это спрятанные в силу экономических или политических причин, но не востребованные ценности и запасы; 2) клады, это осознанный жертвенный дар некой потусторонней силе, или часть сложной погребально-поминальной церемонии. В последнее время в археологической литературе широко распространилось мнение о преднамеренном культовом характере депонирования кладов каменного века и эпохи палеометалла. В восточноевропейской археологической литературе важную роль в этом плане сыграла статья В.С. Бочкарева с детальным анализом историографии проблемы, а также смыслового содержания кладов прошлого [Бочкарев 2002], при многообразии других мнений.

Клады кремневых изделий каменного века и эпохи палеометалла получили различную оценку в археологической науке. Они воспринимаются как предметы межплеменного обмена [Гурина 1973; Крижевская 1992; Горелік 2003; и др.], своеобразные протоденьги или наборы престижных ценностей [Колесник, Рассемакин 2006; и др.], “производственные наборы” [Бритюк 2001], запасы полуфабрикатов, и т.д. При этом разнообразный функциональный “прижизненный” смысл большинства кремневых кладов не исключает их универсальный культовый контекст в формате, собственно,клада. Возможно, так называемые “культовые” кладыв первобытности отражают осознанный перенос (фактически “выброс”) разнообразных практических, элитных и культовых ценностей из условной профанной культуры в условную сакральную культуру. Парадокс кладов кремневой продукции заключается именно в том, что мотивы формирования и мотивы сокрытия кремневых наборов были разными. Это означает, что сначала нужно оценить “прижизненный” статус набора кремневых изделий, а затем мотивы их сокрытия. Данный алгоритм анализа не является новым, но он по-прежнему

актуален и позволяет приблизиться к пониманию разнообразия кладов кремневой продукции и их семантики.

Клады кремневой продукции Юго-Восточной Украины попали в поле зрения историков и археологов весьма давно. Насколько мне известно, фактологическая база начала накапливаться после случайного открытия в 1816 г. клада кремневых изделий, обнаруженных при строительстве Луганского чугунолитейного завода [Гессе-де-Кальве 1820; цит. по: Выборный 1995; Формозов 1958]. После значительного перерыва последовали находки кладов и в других местах. В ключевой сводке, опубликованной А.А. Формозовым в 1958 г., в пределах Советского Союза было учтено всего 10 кладов [Формозов 1958], из них значительная часть на территории Украины. В настоящее время в различных сводках называются уже десятки подобных памятников, происходящих из территории Украины и России, с датами от палеолита до раннего железного века [Синицына 2000; Шаманаев 2000; Бритюк 2001; Колесник, Рассмакин 2006; Сериков 2009; Леонова 2008; и др.].

В пределах Левобережной Украины к настоящему времени учтено около полутора десятков разнородных объектов, которые могут описываться как кладов кремневой продукции каменного века и эпохи палеометалла. По крайней мере, 8 из них найдены в Донецкой и Луганской областях и в соседнем Изюмском р-не Харьковской обл. с его колоссальным потенциалом кремневых источников и памятников первобытной археологии. Они существенно отличаются по размерам и по набору инвентаря. В настоящей сводке учитываются небольшие по размеру кладов кремневых изделий из п. Донецкий (1982 г.) [Колесник, Коваль 2009], п. Денежниковки (1987 г.) [Горелік 2003], Татьяновки (2005 г.) [Колесник 2006], оз. Большой Лиман возле с. Богородичное (2009 г.) [Колесник, Коваль 2009; Колесник и др. 2010], п. Крейдянка (1982 г.) [Колесник, Клименко 1998; Клименко и др. 2001]. Все они происходят из долины или притоков р. Северский Донец. Крупные кладов учитываются косвенно. Это кладов из Луганска (1816 г.) [Гессе-де-Кальве 1820], Гончаровский клад из окрестностей Изюма (1929 г.) [Одинцова 1956], а также клад из Игреньского п-ва близ Днепропетровска (1959 г.) [Ковалева 1961]. В качестве “производственных наборов”, возможно, “кладов”, позиционируются еще три скопления кремневых изделий из нео-энеолитических горизонтов Серебрянского поселения в бассейне Северского Донца [Бритюк 2001].

В непосредственной географической близости к скоплению кладов Юго-Восточной Украины расположены “поселенческие” кладов из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II [Гвоздовер, Леонова 1977; Леонова 2008], неолитической стоянки Матвеев Курган [Крижевская, 1992], “комплексные” кладов раннего бронзового века у ст. Старочеркасской [Гудименко, Дмитриенко 2009] и у п. Овощной в Нижнем Подонье [Гудименко, Кияшко 1997] в соседней Ростовской обл. России.

Основная часть названных кладов содержит небольшое количество предметов – от нескольких единиц до нескольких десятков. По отношению к ним применимо понятие “портативный клад”. В данном определении учитывается, прежде всего, внешний формат, т.е. количественные показатели, а также признаки искусственной сепарации предметов в древности. Все они явно прошли процедуру осознанного отбора. Как правило, подобные скопления залегают в виде компактной массы, отражающей первоначальный портативный объем клада в параметрах “сумки”, “корзинки”, “ранца” и т.д. Преднамеренная раскладка предметов клада в определенном порядке [Boroffka 2007] не отмечена. В Донецком регионе, судя по объективным данным, зафиксированы пока что кладов кремневой продукции в форме портативных объемов, в виде плотных комков. Как кажется, единственным кладом с признаками преднамеренной раскладки предметов является клад у ст. Старочеркасской в Нижнем Подонье [Гудименко, Дмитриенко 2009]. Здесь компактная масса заготовок кремневых наконечников была охвачена с боков и сверху двумя каменными пестами и сверленным топором-молотом. Судя по сохранившемуся описанию Гончаровского клада [Одинцова 1956], крупные предметы (нуклеусы и топоры) залежали внизу, а пластины в виде

плотного пакета сверху. Скорее всего, такое залегание отражает наличие двух кожаных (?) емкостей, уложенных одна поверх другой.

С археологической точки зрения, специально отложенные относительно небольшие портативные клады кремневых изделий могут описываться как особые скопления, даже если они находятся вне культурного слоя поселений, или как “структурные элементы культурного слоя”, по терминологии Н.Б. Леоновой [Леонова 1980], если они находятся в пределах поселенческой структуры. Клады кремневой продукции, происходящие из культурных слоев поселений, легко спутать со скоплениями производственных остатков, поэтому они нуждаются в особо тщательной верификации. Клады из поселений всегда ярко специфичны по набору инвентаря и выделяются планиграфической контрастностью.

Очевидно, что в эту категорию археологических памятников попадают различные объекты, отличающиеся по количеству предметов, типологической вариантности, планиграфической связи с поселенческими, погребальными структурами или находящимися вне их зоны, и т.д. Соответственно, должна существовать развитая понятийно-терминологическая система с вариациями смысловых акцентов, которые позволят относительно точно понимать или обсуждать многообразие причин формирования и сокрытия кладов кремневых изделий.

Материалы.

Клад из п. Донецкий Славянского р-на Донецкой обл. [Колесник, Коваль 2009] поступил к археологам в нарушенном состоянии. Найден при случайных обстоятельствах в 1982 г. Залегал в лессовидном суглинке в виде компактной массы вне культурного слоя поселения или могильника. Сохранился почти полностью. Включает 20 отбивных пластин и их обломков (рис. 1, 1-11), 2 пластинчатых отщепа и 3 траншевидных орудия (рис. 1, 12-14). Скорее всего, все предметы сделаны из одной кремневой конкреции. Основную часть скопления составляют крупные отбивные пластины. При этом 18 из 22-х представленных в коллекции пластин и пластинчатых сколов сохранили более или менее значительные участки гладкой первичной корки, т.е. связаны с поверхностным слоем конкреции. Практически все целые пластины превышают в длину 100 мм, достигая в максимальном случае 153 мм. Средняя длина целых пластин составляет 120 мм. Пластины весьма массивные. Одна из пластин имеет спиралевидно изогнутый корпус, что явилось следствием отделения от углового участка рабочего фронта. Пластина в двух частях (рис. 1, 2) на дистальном участке сохраняет следы вторичной бифасиальной подправки основания нуклеуса, что вполне типично для нуклеусов с торцовым рабочим фронтом. Девять пластин скопления апплицируются в группы из 2-3 сколов (рис. 1, 7-9); еще одна пластина реставрируется из двух фрагментов. Всего аппликативных групп – четыре. В целом, ремонт является неполным, фрагментарным, что весьма характерно для искусственной выборки продуктов первичного расщепления, и подчеркивает преднамеренную сепарацию предметов при их депонировании в древности. Все апплицирующиеся группы связаны с боковой оббивкой и начальной стадией расщепления крупного нуклеуса с торцовым рабочим фронтом и длинной наклонной площадкой (площадками?). Обычно такие нуклеусы проходили бифасиальную стадию предварительной обработки и широко представлены в европейских индустриях второй половины позднего палеолита и его финала (т.н. эпиграветт, а также индустрии, напоминающие классический мадлен), хотя подобный технологический прием сохраняется вплоть до энеолита. Судя по размерам пластин, они отделялись от весьма крупного нуклеуса, высотой не менее 20 см. Топография пластинчатых сколов на корпусе нуклеуса уверенно восстанавливается по характеру аппликаций. Площадки нескольких сколов расположены в плане ступенеобразно, поскольку они отделялись с краев предварительно сформированной наклонной площадки, т.е. с боковых и угловых участков. В Донбассе такой тип служебных

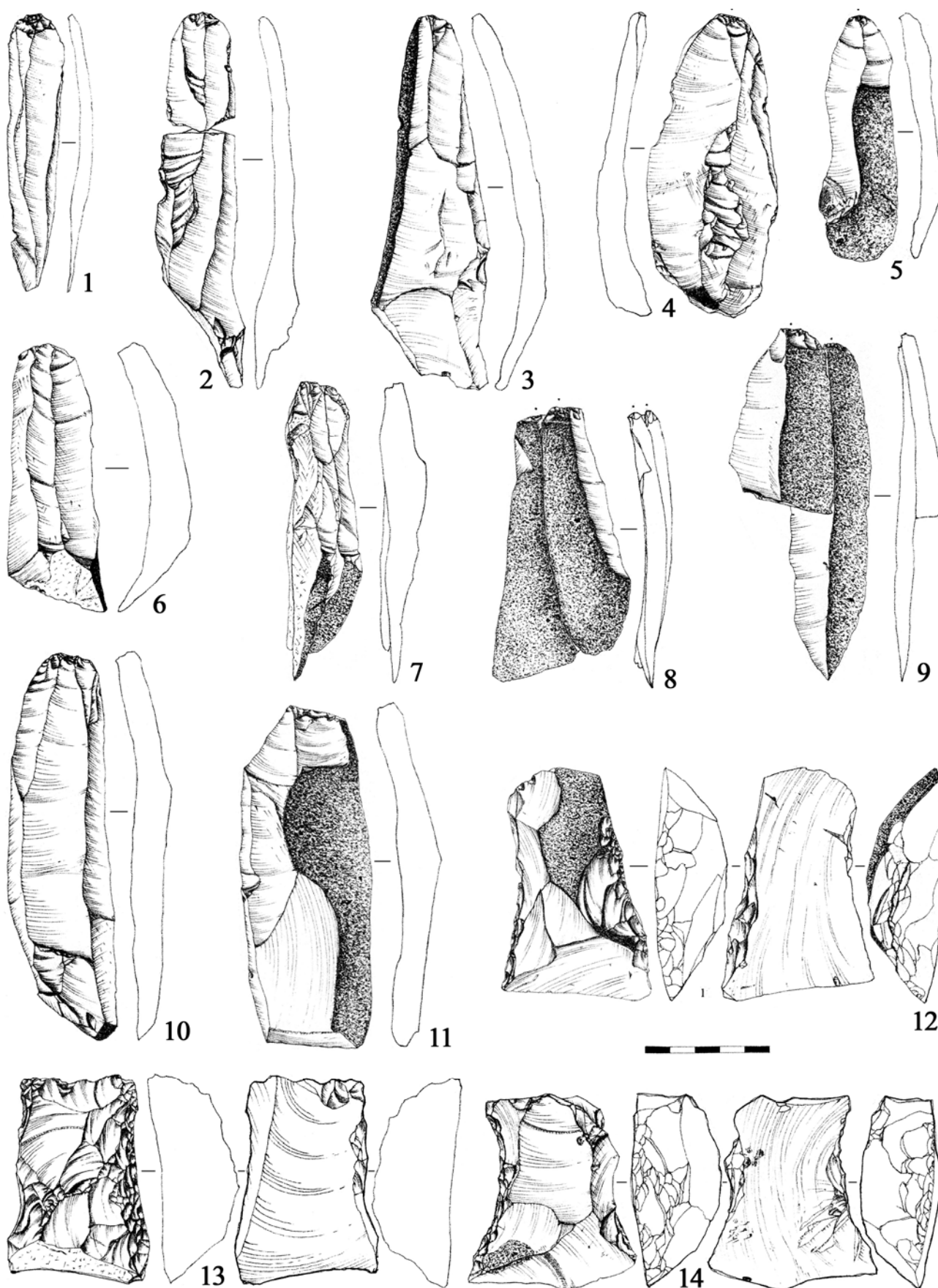

Рис. 1. Поселок Донецкий. Кремневые изделия
Fig. 1. Donetckyi settlement. Flint implements

пластинчатых сколов детально описан в материалах позднепалеолитической мастерской в Вислой Балке на Северском Донце [Колесник и др. 2002]. Есть они и в памятниках финального палеолита региона – в небольших по размеру комплексах из Татьяновки, Святых Гор [Коваль, Вотякова 2005; Коваль 2008].

Вторая часть коллекции состоит из трех траншевидных рубящих орудий. Первое имеет размеры 9,2×5,0×2,7 см (рис. 1, 12). Изготовлено из крупного (ширина 92 мм) массивного (толщина 30 мм) первичного отщепа с тонкой гладкой известковой коркой. Путем интенсивной модуляции сохранен средний наиболее толстый участок преформы, базальная и дистальная части усечены обивкой. Судя по забитости и смятости образовавшегося ребра, целью ядрищной обработки правого продольного края орудий было не столько утончение корпуса, сколько устранение острого выступающего ребра, видимо, мешавшего плавному охвату корпуса нитями обвязки или при фиксации в муфте. Лезвие расположено слегка косо по отношению к продольной оси. Лезвие фактически прямое в плане, с углом заострения 35-40° в средней части; по кромке заметны мелкие выщерблины, в основном с вентральной стороны. Тыльный участок также заостренный, без следов обработки и сработанности. Второе орудие размерами 7,5×6,9×3,0 см (рис. 1, 14). В качестве заготовки использовался массивный крупный вторичный отщеп. Орудие сформировано из наиболее массивной средней части преформы путем усечения методом оббивки базальной и дистальной частей преформы. Формирующая оббивка велась жестким (твердым) отбойником со стороны брюшка заготовки. Возле одной из выемок сохранились следы трех сильных ударов в виде конусовидных трещин. Оба продольных края орудия получились вогнутыми, с “нависающим” профилем; выемки интенсивно забиты, скруглены на стыке с вентральной плоскостью. В результате такой обработки поперечное сечение в орудиях в центральной части приобрело вид, близкий к грубому овалу. Продольное сечение орудий асимметричное, близкое к плоско-выпуклому. Обушковая часть несет следы поперечного усечения; с образовавшейся площадки снят продольный скол утончения корпуса. Третье траншевидное изделие приблизительно такой же величины – 8,4×5,9×3,0 см (рис. 1, 13). Преформой послужил массивный вторичный отщеп, который срезал с нуклевидной заготовки грубо оббитый реберчатый участок. Короткие поперечные сколы с этой грани-площадки были направлены на устранение бокового ребра и приданию поперечному сечению более плавных округленных очертаний. Левый вогнутый край сформирован крутой нависающей ретушью с вентральной стороны; кромка интенсивно забита. Обушок в профиле заостренный, специально не обработан. Продольное сечение – в виде неправильной вогнутой линзы. Как и у остальных орудий из скопления, лезвие этого инструмента двухгранное. В плане оно вогнуто.

Вероятная датировка клада – финальный палеолит или мезолит, хотя по аналогии с комплексом из мастерской Старица XVIII [Горелик и др. 2006] не исключается и более поздняя дата.

Клад из п. Денежниковка Луганской области [Горелик 2003]. Клад был найден в одноименном селе Новоайдарского р-на Луганской обл. в 1987 г. местным жителем при хозяйственных работах. Исследование места находки А.Ф. Гореликом в 1988 г. показало, что по общему контексту находки представляют собой типичный клад вне культурного слоя поселения. Клад состоял из четырех крупных топоров-тесел, из которых доступными для изучения оказались только три изделия (рис. 2, 1-2, 5). Сырьем для тесел послужили аллювиальные кремневые гальки с желто-коричневым ядром и желтой поверхностью. Морфология тесел очень похожа. Это крупные подтреугольные вытянутые (соотношение длины и максимальной ширины 2,5-3 : 1) изделия с линзовидным поперечным сечением и тонким обушком. Рабочие лезвия асимметричны в профиле. Самое крупное (24,5×9,5×5,0 см) тесло имеет симметрично-закругленное рабочее лезвие и слегка асимметричный обушок (рис. 2, 1). Лезвие небольшого (20,0×8,0×6,0 см) массивного тесла слегка скошено (рис. 2, 5). Третье тесло (20,0×7,0×4,5 см) с симметрично расположенным лезвием, с максимальным

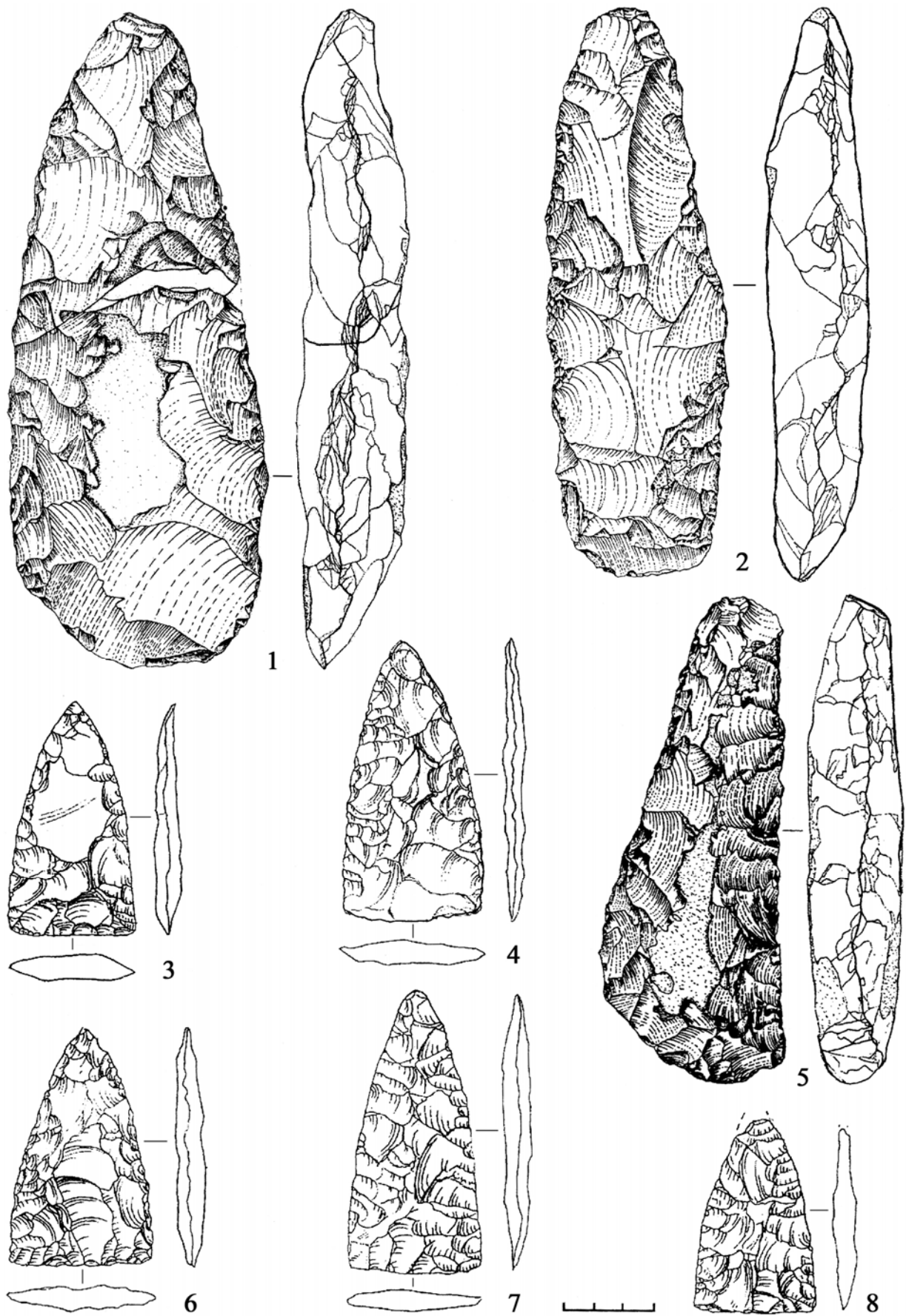

Рис. 2. Кремневые изделия Денежнековского (1-2, 5) и Татьяновского (3-4, 6-8) кладов
Fig. 2. Flint implements of Deneshnekovka (1-2, 5) and Tatianovka (3-4, 6-8) hoards

расширением в средней части корпуса (рис. 2, 2). В двух случаях лезвия образованы продольными сколами, как у топоров-резаков. Тесла сформированы бифасиальной оббивкой. На основании ряда аналогий в пределах Донецкого кряжа и Подонцовья А.Ф. Горелик склонен относить клад к древностям донецкой неолитической культуры и датировать его в широком диапазоне V тыс. до н.э.

Клад из с. Татьянаовка Славянского р-на Донецкой обл. [Колесник 2006] содержит несколько кремневых треугольных тонких бифасов, которые могут трактоваться и как наконечники, и как тесла. Судя по информации местного жителя, собравшего основное количество предметов, бифасы были найдены на ограниченном участке пахоты в пределах высокой поймы р. Северский Донец (район современной застройки). Первоначально было собрано 14 предметов; в фонды Святогорского историко-архитектурного заповедника поступило 7 наконечников-тесел, остальные попали в частные коллекции и недоступны для научной оценки. Однако, все изделия однотипные и, скорее всего, изготовлены одним мастером. Материалом для этих изделий послужил качественный меловой стекловидный полупрозрачный кварцево-халцедоновый серый однородный кремнь с мелкими белесыми вкраплениями и буроватыми прожилками. Все изделия относятся к одной сырьевой группе, что вместе с технико-типологической однородностью свидетельствует в пользу гомогенности данного набора. Изделия совершенно свежие на вид, не забиты и не окатаны, и до их обнаружения, видимо, залегали *in situ*. Пять изделий представляют собой тонкие треугольные бифасы стандартных пропорций с прямым или слабовыпуклым основанием и корпусом в виде высокой арки (рис. 2, 3-4, 6-7). Изделия имеют линзовидное сечение и симметричный профиль. На двух образцах (рис. 2, 3, 7) сохранились рудименты преформы – участки вентральной поверхности крупных плоских отщепов. В данном случае уплощенная форма отщепа-заготовки существенно упрощала изготовление тонкого бифаса. Вероятно, базовой заготовкой для получения небольших удлиненных арковидных бифасов в большинстве случаев служили первичные отщепы. Известно, что технологические контексты изготовления тонких бифасов треугольной формы могут быть разными при внешней схожести конечного продукта. В качестве преформы здесь выступали как отщепы, так и плоские кремневые конкреции. “Стратиграфия” следов обработки показывает, что операции формовки (вернее, окончательной доводки) основания и арковидных краев перемежались между собой. Фасетки уплощающей ретуши расположены перпендикулярно и косо по отношению к краям. Основания изделий заострены в профиле, что не исключает их использование в качестве клиновидных тесел. Медные клиновидные тесла данного времени имеют приблизительно такую же ширину рабочей кромки, как и основания треугольных бифасов. Следы технологической пришлифовки кромок не сохранились. Датировка этих материалов как будто не вызывает особых проблем. В региональных комплексах такие изделия датируются энеолитом, возможно, ранним.

Клад из поселения “оз. Большой Лиман 4” [Колесник и др. 2011]. Этот клад был найден В.В. Давыденко в 2010 г. в разведочном шурфе в культурном слое одноименного поселения в окрестностях п. Богородичное, и представлял небольшое компактное скопление. В скоплении находились четыре крупные кремневые заготовки. Предметы залегали в виде “комка” с одинаковым вертикальным и горизонтальным распределением. Все четыре изделия выполнены из специфического качественного местного кремня верхнемелового возраста.

Образец № 1 – заготовка нуклеуса (рис. 3, 1). Размеры: 145×93×45 мм. Подпрямоугольная форма изделия сформирована в результате оббивки крупного уплощенного т.н. вторичного (без меловой корки) отщепа. Площадка отщепа естественная, без известковой корки. Корпус заготовки ограничен двумя параллельными краями, образованными крупными энергичными сколами с вентральной поверхности преформы. Эти скребловидные продольные края создают предпосылку для отделения первых реберчатых сколов в рамках нуклеусной технологии. Одна такая реберчатая пластина отжата с

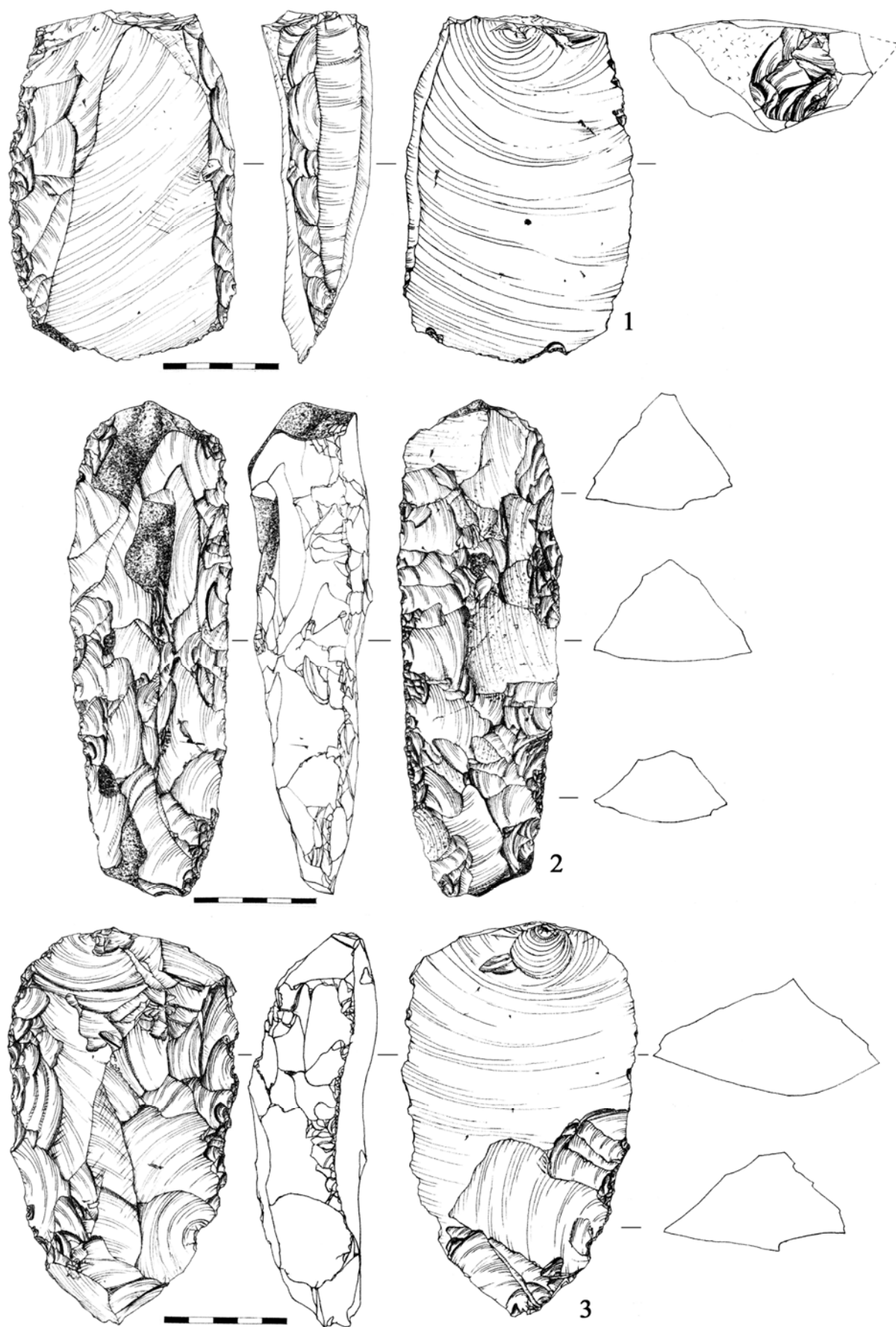

Рис. 3. Клад кремневых изделий из урочища Глубокое Озеро 4
Fig. 3. Flint implements hoard of Glubokoye Ozero 4 site

поперечной площадки пренуклеуса. Нуклеусная площадка специально создана серией сколов поверх площадки отщепа-преформы. Нуклеусная площадка имеет характерный блюдцеобразный вид, специально приспособленный для отжимной техники скола. Основание заготовки нуклеуса (дистальный участок отщепа-заготовки с перообразным окончанием) не обработано. По аналогии с редукционной моделью мезо-неолитических нуклеусов т.н. “донецкого типа” [Колесник и др. 1993; Коваль, Горелик 2008], этот предмет можно диагностировать в качестве стадиальной формы т.н. призматического нуклеуса.

Образец № 2 – заготовка крупного рубящего орудия (рис. 3, 2). Размеры: 205×68×50 мм. Изделие имеет удлинненно-овальную форму в плане и выраженное подтреугольное поперечное сечение. Продольное ребро на выпуклой стороне прослеживается почти вдоль всей дорсальной поверхности. В качестве заготовки послужил, видимо, крупный первичный отщеп; преформа полностью изменена, но на дорсальной стороне сохранились участки меловой корки отщепа-заготовки. Спинка изделия сформирована слабо рельефными сколами. Узкий конец заготовки заострен несколькими сколами, широкий фактически не обработан и сохранил первичную корку преформы. Уплощенная сторона мастерски обработана серией плоских тонких сколов. Обработка изделия видимо, велась т.н. “мягким отбойником”. Явная незавершенность обработки заставляет оценивать это изделие как заготовку крупного рубящего орудия. Асимметричный профиль характерен для тесел.

Образец № 3 – частично-бифасиальная заготовка (рис. 3, 3). Размеры: 160×95×50 мм. Представляет собой весьма массивный крупный отщеп, преобразованный в каплевидную в плане заготовку с плоско-выпуклым поперечным сечением. В качестве преформы использовался вторичный отщеп с продольным ребром, сформированным весьма энергичными предшествующими сколами. На широком конце заготовки сохранились площадка отщепа-преформы, не усеченная вторичной нуклеусной площадкой. На узком конце видна вспомогательная площадка, сколы с которой устранили изогнутость преформы в дистальной части профиля. Для выравнивания профиля дистальный участок заготовки обработан серией плоских сколов. Подобные заготовки в последующем могли трансформироваться как в нуклеусы так и в крупные рубящие инструменты с двусторонней обработкой.

Образец № 4 – заготовка нуклеуса (?). Размеры: 171×100×44 мм. Изделие имеет вид массивной скреблообразной подтреугольной в плане заготовки, выполненной из весьма крупного первичного кремневого отщепа (рис. 4, 1). Внешняя поверхность отщепа плавно моделированная, гладкая, шероховатая. Выделяются небольшие участки с окислами гидрооксида марганца. Отщеп с рельефным ударным бугорком, который образовался в результате применения тяжелого “жесткого” отбойника. Площадка преформы дополнительно обработана поперечными сколами с вентральной стороны. Фактически эти сколы начали формовку поперечной площадки нуклеуса. Краевые участки заготовки обработаны грубыми сколами. Продольный профиль дополнительно выровнен относительно мелкими сколами, ориентированными на вентральную сторону. Один из продольных краев сформирован грубо, предварительно, другой тщательно подправлен абразивным способом. Относительная массивность преформы и наличие поперечной площадки, продольного хорошо оформленного ребра по краю корпуса делает нуклеусный контекст более предпочтительным.

Все изделия данногоклада выполнены в рамках одной технологии, в единой манере, которая, скорее всего, отражает индивидуальный “почерк” одного мастера. Вероятная датировка – поздний неолит или энеолит.

Клад из с. Крейдянка Купянского р-на Харьковской обл. [Колесник, Клименко 1998; Клименко и др. 2001]. Найден в 1982 г. при раскопках комплексного памятника археологии (нео-энеолитическое поселение и катакомбно-бабинско-срубный грунтовый могильник). Клад состоит из 17 пластин, найденных в энеолитическом культурном слое (рис. 4, 2-10). Поселение раскопано В.Ф. Клименко практически полностью. Пластины залежали компактной

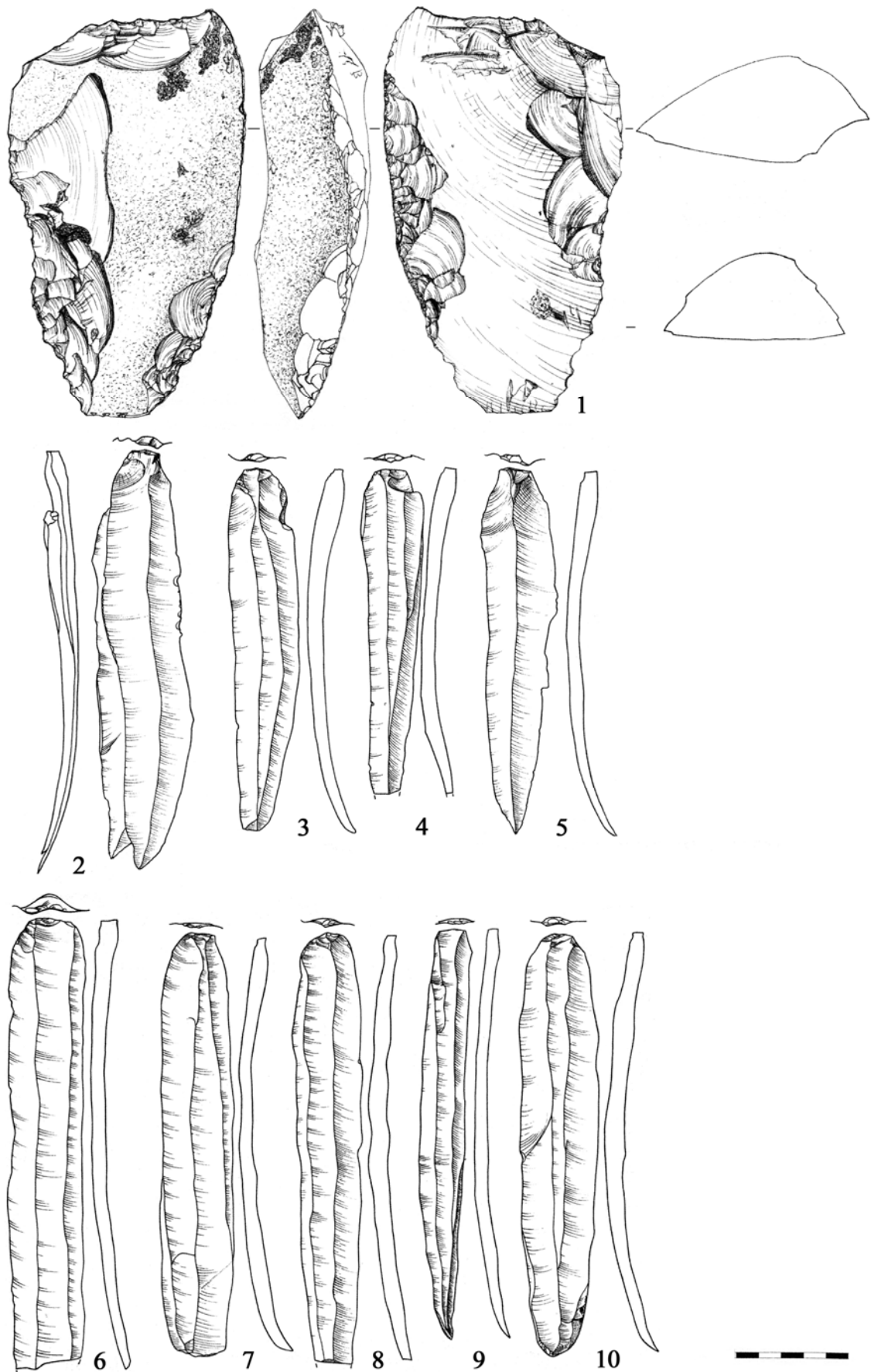

Рис. 4. Урочище Глубокое Озеро 4 (1); клад кремневых пластин из поселения Крейдянка (2-10)
Fig. 4. Glubokoye Ozero 4 site (1); flint implements hoard of Kreydianka settlement (2-10)

группой в виде плотного пакета с параллельным расположением продольных осей и сохранились в своем первоначальном положении. Пластины выполнены из светло-серого высококачественного стекловидного донецкого кремня с включениями матового цвета. Три пластины совмещаются. Скорее всего, все 17 пластин были отжаты от одного нуклеуса. Длина наиболее крупной пластины 19,0 см, наименьшей – 13,7 см. Ширина колеблется от 3,2 до 1,8 см. Огранка спинки у 10-ти образцов правильная трехскатная, у остальных она двухскатная или комбинированная. Одна из пластин относится к типу вторичных реберчатых. Дистальные концы на всех целых образцах перообразные. Площадки узкие, слабовыпуклые, острые в профиле, выделены приемом “перебора карниза” и фасетированием. Пришлифовка не отмечена. С внутренней стороны всех площадок хорошо виден узкий валик – так называемая “губа”. Фронтальная ширина площадок сравнительно невелика – до 7 мм. По сумме перечисленных признаков можно с уверенностью предположить, что все пластины отделялись от крупного одноплощадочного призматического нуклеуса путем усиленного отжима. Какие-либо следы сработанности на пластинах не отмечены. Энеолитическое нуклеусное расщепление на поселении документируется всего двумя фрагментами призматических нуклеусов; технологических сколов вообще нет. Отмечается очень высокий процент утилизации пластин вне клада – 72 % всех пластин имеют ретушь. Все это свидетельствует о том, что основная масса пластин в том числе энеолитических, производилась на стороне и приносилась на поселение для утилитарных целей. Помимо клада, в культурном слое найдена еще одна крупная отжимная пластина из того же узнаваемого серого кремня с матовыми включениями. Пластина имеет явные следы сработанности в виде регулярной мелкой краевой ретуши и заполированности, обломана в древности. Видимо, какая-то часть принесенных на поселение крупных энеолитических пластин успела попасть в производственный “оборот”, другая часть была специально отложена.

Дискуссия. Прежде всего, обращает на себя внимание неоднозначность технико-типологических характеристик условных портативных кладов кремневых изделий. В Донецком регионе фактически они представляют собой небольшие наборы из отбивных или отжимных кремневых пластин, топоров и их заготовок, “наконечников-тесел” (или “тесел-наконечников”), нуклеусов и специфических рубящих изделий, которые в классической археологии принято называть “транше”, а также небольшие наборы смешанного типа. По типологическому составу они так и делятся: Крейдянский клад содержит 17 крупных отжимных пластин, Татьяновский клад, видимо, содержал 14 т.н. “наконечников-тесел”, Денежниковский клад – 4 топовидные заготовки или топора, клад из окрестностей озера Большой Лиман близ п. Борогородичное – 4 бифасиальные заготовки нуклеусов и крупных рубящих орудий, клад из п. Донецкое включает отбивные пластины и т.н. “транше”. Таким образом, можно говорить о кладах пластин, “наконечников-тесел” (или “тесел-наконечников”), бифасиальных заготовок с вероятной последующей трансформацией их в нуклеусы или рубящие инструменты, и о кладах отбивных пластин и “транше”. Разумеется, за пределами Донецкого региона вариантность типологического состава подобных кладов была гораздо более широкая.

Суммируя высказанные ранее мнения, с учетом принятых в археологии терминов и понятий, данные клады можно оценивать в следующем диапазоне. По отношению к набору изделий из п. Донецкое, может быть, по-прежнему применимо понятие “ранцевый набор”, прежде всего, в его прямом функциональном смысле, не касаясь причин депонирования. Кажется, этот термин оказался весьма продуктивным. “Ранцевые наборы” каменного века и энеолита включают в свой состав личный набор инструментов и их заготовок, т.е. портативную сумку с орудиями каждодневного пользования мобильного охотника-собирателя. По определению, эта сумка не могла быть тяжелой. Вес клада из п. Донецкий – около полутора килограммов. Судя по археологическим данным, помимо пластинчатых заготовок, в ранцы могли входить отщеповые заготовки, не сработанные скребки и ножи,

шаровидные боласы (пращевые камни?), составные наконечники на деревянной основе, в различной степени сработанные нуклеусы, и пр. В качестве примеров таких портативных наборов можно назвать клады из Каменной Балки (например, клад в кв. э-7) [Леонова 2008], валдайские клады финального палеолита [Синицына 2000], мезолитические клады из поселения Выйка и Нижнего Тагила в Среднем Зауралье [Сериков 2007; 2009], сс. Илькович и Шистов Западной Волыни [Конопля 1998], с. Коропово на Харьковщине [Бородулін 1980], Старо-Орлицкий [Рудинський 1929] и Никопольский [Формозов 1958] клады, возможно, скоплений № 1 и № 3 Серебрянского поселения [Бритюк 2001] и мн. др. В окрестностях п. Рыдно в Польше известны четыре небольшие по размерам плотные скопления (клады), содержащие от 3 до 40 отобранных кремневых изделий [Fiedorczuk 1997]. На состав кремневых ранцевых наборов оказывали влияние различные факторы – культурная норма, длительность рейда, качество сырья, необходимость в производственных инструментах, индивидуальный опыт и потребности владельца, и т.д. Поэтому трудно найти два одинаковых по составу ранцевых набора. К этому следует добавить, что ранцевые наборы (tool kits) обслуживали владельцев не только за пределами места обитания, но и на самих стоянках.

Остальные упомянутые в данной заметке портативные комплексы включают в свой состав особые наборы инвентаря, и должны комментироваться по-другому. Это касается кладов нео-энеолитических кремневых топоров (тесел) и их заготовок. К таковым относится, прежде всего, Денежниковский неолитический клад, состоящий из 4 топовидных заготовок. В целом, двусторонние заготовки рубящих орудий из Денежниковки, как и классические топоры-резакі днепро-донецкой культуры, имеют неправильные удлиненно-овальные очертания при значительной массивности корпуса. По мнению автора публикации А.Ф. Горелика, клад является показателем обменных процессов в неолитическое время и формирования особого специализированного производства крупных рубящих орудий [Горелік 2003].

В раннем энеолите в регионе широко распространяется сопряженная группа кремневых изделий удлиненных подтреугольных очертаний, включающая топоры, тесла и наконечники с тонким линзовидным сечением. Эти изделия изготавливались настоящими мастерами кремнеобработки, скорее всего, по технологии *know-how*. Если не брать во внимание размеры, пропорции изделий трех названных категорий очень близки между собой. Треугольные топоры имеют относительно крупные размеры. Отличить заготовку энеолитического треугольного топора Левобережной Украины от законченного орудия не составляет труда – орудия всегда полностью или частично шлифованы. Они хорошо представлены в Донбассе в погребениях, на поселениях и в кругу случайных находок. Целые экземпляры шлифованных треугольных топоров происходят из погребений возле Луганска и Донецка [Писларий и др. 1976; неопубликованные данные Т.А. Шаповалова], поселения Александрия на Харьковщине [Телегін 1973], из с. Стыла в Призовье [Каталог ..., 1993, рис. 8, 1] и т.д. Последний экземпляр найден при случайных обстоятельствах. По качеству отделки этот образец не уступает лучшим шлифованным топорам с прямоугольным сечением (квадрофасы) из Кшеменковского центра в Польше.

В отличие от топоров, морфологическая дифференциация небольших по размеру подтреугольных тесел и наконечников до конца не ясна. Из-за нечетких критериев деления часто возникает путаница, когда тесла путают с наконечниками стрел или дротиков, и наоборот. В крупном Игреньском кладе треугольных бифасов [Ковалева 1961] небольшие треугольные заготовки называются разными авторами и так, и так. Вместе с тем, у тесел основание вытянутого треугольника тщательно заострено в профиле, а вершина округлена, как у топоров. Такие изделия есть в Татьяновском кладе, в кладе из могильника у с. Петро-Свистуново на Днепре, и в других местах. В ряде случаев тесла и наконечники рассматриваются не дифференцированно, как “кремневые острия” (“Silexspitzen”) [Lichardus, Lichardus-Itten 1995]. В Каталоге случайных археологических находок из Донецкой области

два небольших треугольных изделия с признаками морфологии тесел [Каталог..., 1993, рис. 7, 1-2] описываются как кремневые наконечники. В этой связи изделия из вероятного Татяновского клада могут трактоваться по-разному.

Как известно по материалам Западной Европы, кремневые топоры несли особую семантическую нагрузку в погребальной и культовой практике позднего каменного века и эпохи меди-бронзы. Целые, специально отложенные экземпляры встречаются либо в погребениях, либо за пределами могильников в небольших кладах [Tilley 1996; Бочкарев 2002], при этом топоры из кладов по размеру часто превосходят кремневые и каменные топоры из поселений и погребений. В Бретани известен такой погребально-культовый объект, как “Аллея менгиров”. Часть менгиров по форме и пропорциям не отличается от кремневых топоров [Tilley, Thomas 1993]. По мнению А. Whittle, топоры, помимо обычного функционального назначения, обладали особым символическим смыслом. “Подаренные земли” (“gifts from the earth”) кремневые и каменные топоры позволяли контролировать не только леса, но и являлись символом контроля всей природы [Whittle 1995]. Подборка кладов заготовок топоров и тесел Юго-Восточной Украины, как и самих орудий, пока слишком мала для более уверенных сопоставлений и выводов, но культовый контекст подобных кладов весьма вероятен.

Пограничное положение занимают клады, в составе которых отмечены и заготовки топоров, и заготовки нуклеусов, например, клад из с. Заворскло на Полтавщине [Ткаченко 1998], или клад их местонахождения “Большой Лиман 4” в Донбассе [Колесник и др. 2011].

Клады, состоящие преимущественно из заготовок кремневых наконечников, в данном секторе Восточной Европы отмечены пока что только в Нижнем Подонье на поселении Дюнное-5 возле ст. Старочеркасской [Гудименко, Дмитриенко 2009] и у п. Огородный на месте разрушенного кургана [Гудименко, Кияшко 1994].

Следующую категорию составляют клады, содержащие пластины, редко призматические нуклеусы. За такими кладами закрепились оценки их в качестве ценностей, предназначенных для обмена. Это касается кладов, найденных вне культурного слоя поселений. Таковыми, в частности, называются относительно крупные клады из Ивано-Франковска [Конопля 2006], Луганска [Гессе-де-Кальве 1820], Странской Скалы в Чехии [Svoboda 1995, fig. 2], и многие другие. В Луганске и Странской Скале кремневые пластины были помещены в глиняные горшки. М.Д. Гвоздовер и Н.Б. Леонова упоминают также “Недвиговский” клад из окрестностей античного Танаиса, который содержал более 200 пластин [Гвоздовер, Леонова 1977, с. 127]. В позднем палеолите, и в последующем, вплоть до энеолита, пластина была основной преформой для большинства функциональных классов каменных орудий. Поэтому логично ожидать транспортировку (или передачу путем обмена) из районов мастерских в некремненосные районы именно пластин. Почти наверняка многие пластины (в том числе происходящие из кладов и “складов”) из культурных слоев верхнепалеолитических стоянок в Каменной балке и неолитических Матвеево-Курганских стоянок поступали на поселения в готовом виде. Однако наиболее оптимальной транзитной формой заготовок являются все-таки пренуклеусы, а не пластины. При расщеплении нуклеусов на поселениях, не обладающих собственной сырьевой базой, образовывались также необходимые для орудийной оснастки отщепы, из которых делались скребки, резцы и другие категории инвентаря. В Подонцовье была исследована позднепалеолитическая мастерская Висла Балка, конечным продуктом которой являлись заготовки нуклеусов, нуклеусы и, частично, пластины [Колесник, Леонова 2002]. Е.Ю. Гирия проследил поставку в Костенковский палеолитический район кремневого сырья в форме весьма крупных пренуклеусов [Гирия 1997].

Количественно небольшой клад крупных отжимных пластин (17 шт.) из энеолитического поселения Крейдянка на Харьковщине входит в круг памятников, связанных, в основном, с местами поселенческой активности разного времени. Этот комплекс в планиграфическом плане сопоставим с близкими по археологическому контексту

скоплениями из культурных слоев неолитического поселения возле Матвеева Кургана [Крижевская 1992] и новейших раскопок верхнепалеолитических стоянок в Каменной Балке близ Ростова [Леонова 2008], а также других. В Крейдянском кладе в различных комбинациях апплицируются несколько пластин. По остальнымкладам с пластинами из Восточной Европы данные по ремонту сколов как будто отсутствуют. Судя по характеру сырья, размерам пластин и данным ремонта, Крейдянский клад содержит часть продуктов расщепления одного нуклеуса. Исходя их экспериментальных и археологическим данным, отжимной техникой с призматического нуклеуса можно было снять до 30 или чуть более пластин, в зависимости от пластических качеств сырья, применявшейся техники раскалывания и размеров исходной конкреции. Весьма вероятно, что небольшие клады пластин, подобных Крейдянскому, состоят из условной, произвольно взятой части (горсть?) готовых пластин, полученных в ходе одной “нуклеусной микросессии”.

Не исключен также контекст подобных портативных кладов-скоплений в качестве отложенных для дальнейшего использования, но не востребованных в силу разных обстоятельств материальных ценностей. В большей степени это касается “кладов”, сокрытых на территории поселений и включающих в свой состав преимущественно однородное сырье или простые заготовки-полуфабрикаты. На стоянке-“метрополии” неизбежно должны были отлагаться скопления принесенных полуфабрикатов для краткосрочного или долгосрочного использования. На памятниках археологии, расположенных в районе обильных кремневых источников в среднем течении Северского Донца, отмечаются скопления не переработанной сырьевой массы в виде планиграфически отчетливых сгустков необработанных конкреций или кусков кремня с пробными сколами, принесенных со стороны. Такие скопления, как минимум, отмечены на позднепалеолитической мастерской Висла Балка, а также на поселении срубной культуры бронзового века Глубокое Озеро [Колесник, Гершкович 2001]. Эти скопления не могут описываться как клады, поскольку они были не специально сокрыты, а просто, скорее всего, высыпаны на поверхности обитания для дальнейших производственных целей. Тем не менее, в обоих случаях явно прослеживаются признаки подготовленных к употреблению, но не утилизированных запасов сырья и полуфабрикатов, вне зависимости от формата хранения. Эти сопоставления позволяют думать о том, что какая-то часть поселенческих “кладов” кремневой продукции имеет обычный производственный смысл, т.е. была накоплена и отложена для сугубо утилитарных целей.

Однако систематическая повторяемость такого класса археологического инвентаря без выраженных признаков производственной и бытовой направленности все-таки свидетельствует о его осознанном сокрытии с целью материального дара-приношения в пользу особого виртуального мира. Иными словами, культовый контекст этих кладов, оставленных в пределах поселений или т.н. “экономической зоны” поселений, наиболее вероятен или правдоподобен. Вариации культового контекста сокрытия кремневых кладов анализируются в ряде публикациях. Например, Ю.Б. Сериков [2009], ссылаясь на мнение этнографов А.К. Байбурина [1989] и В.Н. Топорова [1994], предполагает, что часто подобные клады маркировали границу между “своим” и “чужим” мирами, служили своеобразными берегами “своего” пространства. Такому пониманию не противоречит встречаемость портативных кладов-приношений на поселениях, поскольку антитеза “свой-чужой” носит индивидуальный, персонифицированный характер. Не менее важным является предположение, что “портативный (фактически индивидуальный) клад-приношение” – это относительно небольшой личный добровольный безвозвратный материальный вклад в виртуальную культуру своего социума с целью поддержания личной, семейной и коллективной стабильности, а также, косвенно, для поддержания существующего в адекватных понятиях своего времени миропорядка. Фактически, это индивидуально ощущаемый и систематически “выплачиваемый” (отдаваемый) добровольный “налог за стабильность жизни”, своеобразная “церковная десятина древности” с целью задабривания неких духов-покровителей или с целью откупа от нежелательных сил. Материальный вклад

(собственно клад) был составной частью этой сложной церемонии, но только он непосредственно доступен для современного наблюдателя.

А.А. Бритюк [2001] предполагает, что небольшие компактные скопления кремневой продукции, происходящие из культурных слоев неолитических и энеолитических поселений, являются, скорее, не “кладами”, а “производственными наборами”, т.е. были утилитарными, производственными объектами. Вместе с тем, сейчас уже очевидно, что при депонировании кремневых наборов на поселении или за его пределами семантический контекст этих изделий кардинально менялся. Аналогичным образом, вещи из погребений – это уже не просто бытовые или производственные предметы, сопровождающие умершего человека. Небольшие компактные по залеганию “производственные наборы” (в понимании А.А. Бритюка), сохранившиеся в формате “клада”, в большинстве случаев также могут быть описаны как “индивидуальные клады-приношения” при неясной пока внутренней семантической дифференциации.

Заклучение. Наверное, подобные небольшие клады-приношения отражают не только экономические, культовые и микросоциальные отношения, но и служат источником для понимания феномена индивидуальности в первобытное время. Кажется, этот тезис в археологической литературе по каменному веку Восточной Европы впервые отчетливо был обозначен М.Д. Гвоздовер и Н.Б. Леоновой в связи с анализом клада верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II под Ростовом-на-Дону [Гвоздовер, Леонова 1977; Леонова 2008]. Очевидно, что за процедурой сокрытия портативных кладов-приношений кремневых изделий стоит не просто социально-нормированная личность, а личность с индивидуальной собственностью и индивидуальной, судя по многообразию состава кладов, вариантною выбора поведения. Индивидуальность и личность – категории не тождественные. Формирование этих категорий может обсуждаться по отношению к социумам, начиная со второй половины позднего палеолита, в том числе и на материалах небольших кладов кремневой продукции, происходящих из Донецкого, в широком смысле, региона.

Таким образом, пять небольших индивидуальных кремневых “кладов-приношений” из среднего течения Северского Донца открывают маленькое окно в большой мир ментальности древнего человека. Дальнейшее накопление и осмысление такого рода информации позволит понять динамику становления категории личности и социальной нормы в первобытное время и в эпоху ранних цивилизаций по сугубо археологическим критериям.

Колесник О.В.

ПОРТАТИВНІ КРЕМЕНЕВІ “СКАРБИ-ПРИНОШЕННЯ” КАМ’ЯНОГО ВІКУ І ЕНЕОЛІТУ. АСПЕКТ ПІВДЕННО-СХІДНОЇ УКРАЇНИ

На теренах Південно-Східної України відомі скарби кремневих виробів доби кам’яного віку – палеометалу. Регіональна традиція накопичення скарбів починається наприкінці пізнього палеоліту. Серед них виокремлюються великі скарби і невеличка серія портативних скарбів. Портативні скарби містять різний реманент – заготовки нуклеусів, сокири і наконечників, пластини. У статті йдеться про методику диференціації портативних скарбів кремневої продукції у зв’язку зі спонуканнями накопичення і мотивами приховування. Припускається, що більшість так званих портативних скарбів є вотивними і відбивають феномен індивідуальності.

Ключові слова: скарби кремневих виробів, портативні скарби, кам’яний вік, доба палеометалів.

Kolesnyk A.V.

PORTABLE FLINT “HOARDS-OFFERINGS” OF THE STONE AGE AND ENEOLITH. ASPECT OF SOUTHEASTERN UKRAINE

The hoards of the Stone Age and Paleometal flint implements have been found on territory of Southeastern Ukraine. The regional tradition of accumulation of hoards originates from the end of the Late Paleolith. Among them there are large hoards and a small number of portable hoards. Portable hoards contain various tools, i.e. half-finished nucleuses, axes and tips, plates. The paper discusses the technique of differentiation of portable hoards of flint implements on the basis of motives of accumulation and motives of concealment. It is supposed that most of so-called portable hoards of flint implements are votive and reflect a phenomenon of individuality.

Keywords: hoards of flint implements, portable hoards, Stone Age, Paleometal.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбури А.К.** Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбури // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989.
- Бородулін В.Т.** Скарб крем'яних знарядь з с. Коропове на Харківщині / В.Т. Бородулін // Археологія. – 1980. – № 35. – С. 63-65.
- Бочкарев В.С.** Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы / В.С. Бочкарев // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – С. 45-55.
- Брей У.** Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. – М.: Наука, 1990. – 367 с.
- Бритюк А.А.** Энеолитические “клады” или “производственные наборы” // Древности Северского Донца. – Вып. 5. – Луганск, 2001. – С. 54-68.
- Выборный В.Ю.** Памятники археологии Луганска / В.Ю. Выборный // Краеведческие записки Луганского государственного областного краеведческого музея. – Вып. 3. – Луганск, 1995. – С. 11-21.
- Гаврилюк Н.О.** Скарб / Н.О. Гаврилюк // Словник-довідник з археології. – К.: Наук. думка, 2002. – С. 250.
- Гвоздовер М.Д.** Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II / М.Д. Гвоздовер, Н.Б. Леонова // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977. – С. 127-136.
- Гиря Е.Ю.** Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. – Ч. 2. – СПб., 1997. – 198 с.
- Горелик О.Ф.** Денежниківський “скарб” неолітичних тесел (Південно-Східна Україна) / О.Ф. Горелик // АА. – № 13. – Донецк, 2003. – С. 272-280.
- Горелик А.Ф.** Старица XVIII – новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье / А.Ф. Горелик, С.М. Дегерменджи, С.Н. Разумов // АА. – № 18. – Донецк, 2006. – С. 118-129.
- Гудименко И.В.** Оригинальная литейная форма палеометаллической эпохи / И.В. Гудименко, В.Я. Кияшко // ИАИАИД в 1994 г. – Вып. 14. – Азов, 1997. – С. 102-112.
- Гудименко И.В.** Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения “Дюнное-5” у станицы Старочеркасская / И.В. Гудименко, М.В. Дмитренко // Археологические заметки. – Вып. 5. – Ростов н/Д, 2009. – С. 46-49.
- Гурина Н.Н.** К вопросу об обмене в неолитическую эпоху / Н.Н. Гурина // КСИА. – 1973. – Вып. 138. – С. 12-23.
- Гессе-де-Кальве Г.Г.** Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии / Г.Г. Гессе-де-Кальве // Труды Вольного общества любителей российской словесности. – СПб., 1820. – Ч. X. – С. 251-252.
- Каталог** случайных археологических находок // АА. – № 1. – Донецк, 1993. – 235 с.

Клименко В.Ф. Многослойное поселение Крейдянка на Харьковщине / В.Ф. Клименко, Н.С. Котова, А.В. Колесник // Проблемы археологии и архитектуры: в 2 т. – Т. 1: Археология. – Донецк; Макеевка, 2001. – С. 39-46.

Ковалева И.Ф. Клад кремневых изделий из окрестностей Днепропетровска / И.Ф. Ковалева // СА. – 1961. – № 4. – С. 245-249.

Коваль Ю.Г. Вислабалкинская группа памятников финального палеолита в среднем течении Северского Донца / Ю.Г. Коваль // Святогірський альманах 2008. – Донецьк, 2008. – С. 20-27.

Коваль Ю.Г. Кремнеобрабатывающая мастерская финального палеолита Святые Горы / Ю.Г. Коваль, О.Л. Вотякова // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні: тез. всеукр. наук.-практич. конф. – Слов'янськ, 2005. – С. 182.

Коваль Ю.Г. Резцы, струги или нуклеусы? К вопросу о назначении одного специфического типа изделий каменного века Донбасса / Ю.Г. Коваль, А.Ф. Горелик // АА. – № 19. – Донецк, 2008. – С. 263-274.

Колесник А.В. Клад энеолитических кремневых наконечников из с. Татьянавка на Северском Донце / А.В. Колесник // Святогірський альманах 2006. – Донецьк, 2006. – С. 52-64.

Колесник А.В. Традиция кремнеобработки в эпоху поздней бронзы в Донбассе и Северо-Восточном Приазовье / А.В. Колесник, Я.П. Гершкович // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 97-118.

Колесник А.В. “Клад” кремневых изделий из окрестностей п. Богородичное в Донецкой области (предварительная публикация) / А.В. Колесник, В.В. Давыденко, Ю.Г. Коваль // Літопис Донбасу. – Вип. 18. – Донецьк, 2010. – С. 3-9.

Колесник А.В. “Клад” кремневых изделий из окрестностей с. Богородичное в Донецкой области (бассейн р. Северский Донец, Юго-Восточная Украина) / А.В. Колесник, В.В. Давыденко, Ю.Г. Коваль // ДАЗ. – 2011. – № 15. – С. 104-116.

Колесник А.В. Клад кремневых пластин из Харьковщины / А.В. Колесник, В.Ф. Клименко // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. VII Донской археол. конф. – Ростов н/Дону, 1998. – С. 45.

Колесник А.В. Кремневый клад из п. Донецкий Славянского района / А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль // Святогірський альманах 2009. – Донецьк, 2009. – С. 22-35.

Колесник А.В. Морфология продуктов первичного расщепления и краткий технологический анализ / А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль, Е.Ю. Гиря // АА. – № 11: Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. – Донецк, 2002. – С. 98-135.

Колесник А.В. Краматорская неолитическая мастерская / А.В. Колесник, Ю.Г. Коваль, С.М. Дегерменджи // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 13-23.

Колесник А.В. Структурные элементы памятника и планиграфический анализ / А.В. Колесник, Н.Б. Леонова // АА. – № 11: Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. – Донецк, 2002. – С. 29-97.

Колесник А.В. Феномен кладов Гончаровского типа / А.В. Колесник, Ю.Я. Рассмакин // IN SITU (к 85-летию профессора А.Д. Столяра). – СПб., 2006. – С. 173-189.

Конопля В. Скарб крем'яних пластин з Ількович і Шистива / В. Конопля // Волино-Подільські археологічні студії. – Вип. 1. – Львів, 1998. – С. 146-159.

Конопля В. Скарб крем'яних виробів з Івано-Франківська // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 10. – Львів, 2006. – С. 201-208.

Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья / Л.Я. Крижевская // Археологические изыскания. – Вип. 5. – СПб., 1992. – 177 с.

Леонова Н.Б. Характер скоплений кремня на кремнеобрабатывающих мастерских / Н.Б. Леонова // Вестник Московского университета. – Сер. 8: История. – М., 1980. – С. 67-79.

Леонова Н.Б. Клады верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II / Н.Б. Леонова // Наукові праці. Науково-методичний журнал. – Серія “Історичні науки”. – Вип. 83: Спецвипуск. – Т. 96. – Миколаїв, 2008. – С. 85-88.

Одинцова С.Н. Клады кремневых изделий из с. Гончаровка / С.Н. Одинцова // КСИА АН УССР. – 1956. – Вип. 6. – С. 43-46.

Писларий И.А. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде / И.А. Писларий, А.А. Кротова, Т.Н. Клочко // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наук. думка, 1976. – С. 21-28.

Рудинський М. Старо-Орлицький скарб неолітичної доби / М. Рудинський // Антропологія. Річник кабінету. – К., 1929. – Т. II. – С. 261-268.

Сериков Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья / Ю.Б. Сериков // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся культурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.Ф. Сальникова (1900-1966). – Уфа, 2007. – С. 182-188.

Сериков Ю.Б. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья как ритуальные комплексы / Ю.Б. Сериков // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: Наука, 2009. – С. 276-293.

Синицына Г.В. “Клады” валдайской культуры и их хронология / Г.В. Синицына // Хронология неолита Восточной Европы: тез. докл. междунар. конф., посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. – СПб., 2000. – С. 69-71.

Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді / Д.Я. Телегин. – К.: Наук. думка, 1973. – 168 с.

Ткаченко О.М. Скарб крем'яних виробів з с. Заворскло Полтавського району / О.М. Ткаченко // АЛЛУ. – № 1-2. – Полтава, 1988. – С. 90-91.

Топоров В.Н. Пространство / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. – Изд. 2-е. – М., 1994.

Формозов А.А. Клады каменных орудий на территории СССР / А.А. Формозов // *Arheologické rozhledy*. – Ročník X. – Sešit 5. – Praha, 1958. – S. 637-645.

Шаманаев А.В. Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации / А.В. Шаманаев // Документ. Архив. История. Современность: матер. науч.-практич. конф., посвященной 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. – Екатеринбург, 2000. – Ч. 1.

Boroffka N. Some thoughts on deposition-habits in the pre-metallic periods of Europe / N. Boroffka // Искусство и религия древних обществ. – Луганск, 2007. – С. 52-58.

Fiedorczuk J. Processing workshops and habitation sites of the final palaeolithic Mazowian complex. A view from the perspective of flint artefacts refitting / J. Fiedorczuk // *Man and flint: Proceeding of the VIIth International Flint Symposium (Warszawa-Ostrowiec Swietokrzyski, September 1995)*. – Warszawa, 1997. – P. 201-208.

Lichardus J. Kupferzeitliche Silexspitzenim nord und Westpontischen Raum / J. Lichardus, M. Lichardus-Itten // *Archaeologia Polona*. – Vol. 33. – Warsaw, 1995. – P. 223-240.

Svoboda J. CZ 3 Stranska Skala, Brno district / J. Svoboda // *Archaeologia Polona*. – Vol. 33. – Warsaw, 1995. – P. 78-285.

Tilley C. The axe and the torso: symbolic structures in the Neolithic of the Brittany / C. Tilley, J. Thomas // *Interpretative archaeology* / C. Tilley (ed.). – Oxford, 1993. – P. 225-324.

Tilley C. An ethnography of the Neolithic. Early prehistoric societies in Southern Scandinavia / C. Tilley. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. – P. 25-255.

Whittle A. Gifts from the earth: symbolic dimensions of the use and production of Neolithic flint and stone axes / A. Whittle // *Archaeologia Polona*. – Vol. 33. – Warsaw, 1995. – P. 247-259.